

Противоречия, неизбежные при сопоставлении писем к разным адресатам, а также писем с одновременно писавшимися стихами дают замечательный образец косвенной самохарактеристики, более достоверной, чем прямое признание, и предвещающей позднейшие изощренные методы самохарактеристики.

Главная притягательная сила «Журналов и писем» — та полнота в выражении своеобразия личности, к которой была устремлена английская литература еще в последние десятилетия XVIII в. Характерный для века в целом расцвет автобиографий, распространенность эпистолярного романа свидетельствовали о растущем интересе к индивидуальной психологии в конкретных жизненных обстоятельствах, к человеческой природе вообще⁹.

«Журналы и письма» при всей своей неоднородности в совокупности составляют одну из интереснейших автобиографий XIX в. Уже предшествовавшие биографы существенной частью своих жизнеописаний делали собственные и чужие письма, а также дневниковые записи¹⁰. Здесь же именно эти глубоко личные, по видимости совершенно непосредственные монологические высказывания, с названным или неназванным адресатом, складываются в автопортрет, в автобиографический роман о формировании и судьбе человека, ставшего кумиром мыслящей Европы своих дней.

Автобиография эта замечательна не только тем, что она раскрывает облик выдающегося человека. Она замечательна и принципами, на которых основывается это самораскрытие.

Пушкин утверждал, что Байрон постиг и изобразил в совершенстве только один характер — свой собственный. Но слова Пушкина относились лишь к персонажам восточных поэм и к Чайльд-Гарольду. Между тем характер Байрона, раскрывающийся на страницах «Журналов и писем», сложнее и многограннее, чем традиционный облик байронического героя. Как это ни парадоксально, но преданный классицистическим идеалам Байрон, рисуя собственный портрет, создает один из самых антирационалистических образов в литературе своего времени.

Бесспорно, Байрон имел предшественников — авторов «Исповеди», «Тристрама Шенди», «Вертера», «Рене», не говоря уже о многих давно забытых автобиографиях (или автобиографических романах) второй половины XVIII в., в которых однолинейные и рассудочные методы изображения подвергались осмеянию или решительному отрицанию. Не менее очевидно, однако, и коренное различие между Байроном как автором (и главным героем) «Журналов и писем» и подготовившими его книгу Руссо, Стерном, Гете, Шатобрианом. Их герои, подчеркивая иррациональность, несогласованность, а порой несовместимость владеющих ими эмоций, осмысляют себя и свою внутреннюю жизнь как явление значительное и достойное пристального внимания. Даже Стерн, потешаясь над алогизмом и незначительностью многих духовных проблем пастора Иорика, относится к ним в целом серьезно.

Автопортрет Байрона включает немислимую для его предшественников романтическую иронию в сочетании с осознанием противоположностей, с неизбежностью заключенных в душе современного человека. Руссо и Шатобриан тоже могли горестно размышлять о том, «какие бездны есть в сердцах людских, какие в них просторы и пустыни»,¹¹ но ни один из них не позволил бы себе по этому поводу фейерверка цинических острот. Такие остроты, основанные на трагическом мировосприятии, не были свойственны и Стерну.

⁹ Stauffer D. A. Op. cit., p. 509, 520, 485, 463, 456, 328, 346—347.

¹⁰ Stauffer D. A. Op. cit., Здесь же см. о соотношении дневниковых записей и литературной биографии (стр. 432, 452—454).

¹¹ «Дон-Жуан», XIV, 102. Перевод Т. Гнедич.